

УДК 17

А.А. Гусейнов*

Этика как университетская дисциплина

Аннотация. В статье ставится вопрос о месте и роли этики в личностном стандарте человека с высшим образованием. Автор доказывает: этика как свойство (атрибутивный признак) сознательного характера жизнедеятельности также необходима для жизненной ориентации человека как физическая культура – для физической крепости его тела, а знание грамматики – для его способности говорить. Для обоснования приводятся два основных аргумента: она а) является связующим звеном двух базовых определений человека как живого разумного существа и как общественного существа; б) обозначает общее направление сознательной жизнедеятельности человека, выступающее в качестве ее общего и глубинного направляющего смысла, конечной (предельной, последней) цели. Ее место в высшем образовании оправдано необходимостью осознанного закрепления этических (моральных) качеств зрелой личности. Отсюда ряд особенностей самого статуса этики как общеобразовательной дисциплины: ее практически ориентированный характер, неиерархический характер отношений преподавателя и студентов, диалогический характер общения и др.

Ключевые слова: Этика, мораль, нравственность. Человек. Философия морали. Прикладная этика.

В данных заметках хочу рассмотреть вопрос: может ли и, если да, то в силу каких оснований, этика претендовать на статус обязательного общеобразовательного курса в высших учебных заведениях? Речь идет об общетеоретической постановке вопроса с учетом конкретного советско-российского, в том числе личного, опыта преподавания этики, в частности, о возможности (целесообразности) ее включения в общедепартаментальный гуманитарный блок, предназначенный для студентов всех специальностей.

1. Ответ на этот вопрос прямо связан с тем, каково место этики в жизнедеятельности человека. Этика есть наука о морали (нравственности). Эти три слова: этика, мораль, нравственность, происходящие из трех языков (древнегреческого, латыни и русского), означают одно и то же: некую присущую сознательной жизнедеятельности человека внутреннюю направленность (нацеленность) на такой конечный самодостаточный итог, который организует все его усилия, являясь их высшей санкцией, придавая им смысл и достоинство. Ко-

* Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., проф., академик РАН, Институт философии РАН; guseinov@iph.ras.ru

гда человек делает что-то, он делает это для чего-то, для какой-то конкретной цели, но наряду с этими целями и помимо них им движет еще высшая (последняя) цель, некая сверхцель, которая считается (признается) им ценной сама по себе, за которой уже нет других целей и человек уже не может ожидать и не ожидает ничего другого. Нацеленность на эту сверхцель вмонтирована в структуру, само «тело» сознательной жизнедеятельности, она и есть то, ради чего осуществляются все сознательные душевные усилия. Этика является той областью человеческого знания, которая пытается проникнуть в эту тайну магического кристалла человеческого сознания. Она входит в самосознание в качестве составной части (первого принципа) философии и фиксирована в живой речи такими понятиями как добро, добродетель, удовольствие, счастье, свобода, блаженство, высшее благо, справедливость, которые, конечно, различны, но различны как краски одной картины, которая и сама поэтому считается прекрасной. Все эти понятия имеют между собой то общее, что признаются людьми безусловными, самодостаточными, такими, относительно которых не возникает вопроса – для чего это нужно, подобно тому, как у человека, поднявшегося на самую высокую вершину и знающего (уверенного), что это самая высокая вершина, не возникает вопроса, а что находится еще выше.

Этика с тех пор, как она задумалась над вопросом о том, чего в конечном счете хочет добиться человек в своей собственной сознательной целесообразной деятельности, или, говоря по-другому, в чем состоит правильный ответ на стоящий перед каждым индивидом вопрос «Что я должен делать?», и устами Сократа ответила, что она не знает ответа и даже еще жестче, что она знает, что она этого не знает. С тех самых пор она стала в ряд с живыми индивидами, смущая их своим напоминанием о том, что они стремятся и не могут не стремиться к тому, о чем они не могут дать себе отчета. Эту ситуацию когнитивного диссонанса, выражаясь модным языком, обобщил Кант, сказав, что разум ставит перед человеком вопросы, от которых он не может отделаться, так как они вытекают из природы самого разума, и на которые он не может ответить, так как они превышают возможности разума. Для нас важно подчеркнуть, что этика (мораль) включена в качестве изначального и необходимого базового элемента собственной сознательной целесообразной деятельности человека (не только сознательной, ибо она имеет еще сверхсознательные, самоцельные ответвления, и не просто деятельности, а именно сознательной деятельности, ибо она имеет также досознательные, инстинктивные аспекты, и не вообще, а именно собственной сознательной целесообразной деятельности, ибо цели могут быть чужими,

навязанными ему). Это – всеобщая (не специальная, не избирательная, не факультативная, а именно всеобщая) форма сознательной жизнедеятельности человека. То есть, это такая форма жизнедеятельности, вне которой человек просто не может существовать в своём качестве разумного существа. Человек, в общем, может существовать и быть, действовать в качестве человека, становясь моральным индивидом. Понятуя таким образом этику, мы мыслим в связи с философией, в рамках философии. И в этом смысле общая характеристика философии распространяется и на этику. Но и в более конкретном определении места этики в составе философии и места морали в жизнедеятельности человека мы находим дополнительные аргументы, которые показывают всеобщий характер морали.

2. Издревле, от античности существуют два определения человека, которые выделяют его из всего состава живых существ. Первое – это то, что человек есть разумное живое существо. Второе – человек есть общественное или полисное существо, как говорил Аристотель, который впервые и ввёл эти определения. Что обозначает каждое из них и как они в своей относительной самостоятельности себя обнаруживают, мы, конечно, знаем. Они очевидны. Скажем, разумный и сознательный характер жизнедеятельности человека мы наглядно видим в познавательной деятельности. Сама наука в её богатстве есть зримое воплощение этого. Что касается общественного характера существования человека, то вся наша хозяйственная, экономическая, политическая жизнь и все способы нашего существования тоже говорят и демонстрируют очевидность этих определений.

Но когда мы задаём вопрос, как эти определения связаны между собой, есть ли у них изначальная внутренняя связанность, то ответ «Да, есть такая». Человек не был бы разумным, если бы он не был общественным существом, и не был бы общественным существом, если бы он не был разумным существом, то где (как, в чем) фиксируется это внутреннее единство? Именно здесь, отвечая на этот вопрос, мы неизбежно подходим к понятию нравственности, поскольку именно единство того и другого определения – это единство дано в человеке и реализуется им в качестве нравственного существа. Если мы хотим подойти к специфике нравственности и к её месту в жизни человека, то должны поставить именно этот вопрос: как разумность человека и его общественная природа внутренне связаны между собой?

Человеческая жизнедеятельность имеет целесообразный характер. Человек вписан в каузальную цепь природы через посредство сознания. И все проявления его жизнедеятельности должны предварительно приобрести форму решений, форму целей, каких-то

сознательных установок. Тем самым человек как сознательное существо сам включается в эту каузальную цепь, тем самым становясь причиной, определяющей его собственное существование. И теперь оно становится его собственной ответственностью. Это первый пункт, где мы подходим к нравственности, когда фиксируем сам целесообразный характер существования человека как форму его ответственного существования, его, можно сказать, свободного существования, свободного в том смысле, что он сам здесь становится причиной, причём таким звеном в причинной цепи, которую невозможно избежать. То есть той самой причиной, которая запускает жизненный процесс в качестве процесса именно данного человеческого индивида.

Но человек является одновременно и общественным существом. Как говорил Бахтин, два голоса – это минимум бытия. То есть он является общественным существом не в том смысле, что потом должен соединиться с другими людьми, войти с ними в контакт и так далее. Нет, он изначально является общественным существом, в том смысле, что он и не может существовать в ином качестве. И разумность его существования в форме целесообразного характера деятельности только потому задана и только потому оправдана, что иначе он не может реализовать свою социальность и своё существование в качестве общественного существа, свою связанность с другими.

Эти два определения человека – человека как живого сознательного, разумного существа и человека как общественного существа, которое не может существовать, не может мыслить себя вне связи с другими индивидами, в соединении с которыми он только и способен умножать свою ничтожную силу, – вот эти два определения задают нам мораль и вместе с тем определяют, если хотите, все внутренние напряжения морали и все трудности, с которыми связано человеческое существование именно в качестве морального.

3. Этика, мораль, нравственность – это категории практики, выражение деятельной сущности человека, его жизненной активности. Они вплетены (явлены, вписаны) в определённые конкретные поступки конкретного индивида. Вплетены не в том смысле, что поступкам предшествуют заранее сформулированные цели и движущие психологические мотивы, а в том смысле, что каждый поступок как таковой, так сказать имманентно, содержит в себе цели и мотивы, которые не обязательно соответствуют, а нередко даже не соответствуют тем целям и мотивам, которые провозглашаются индивидами и сопровождают (обосновывают, прикрывают, оправдывают) эти поступки. Когда мы говорим, что мораль вплетена в сознательную дея-

тельность индивида, присутствует, «сидит» в его поступках, это не значит, что индивид знает об этом, что она представлена в его самосознании. Быть в сознании и осознавать – не одно и то же. Замыкая мораль на поступок, мы вовсе не утверждаем, что она вложена туда действующим индивидом или вообще осознанно кем-то. Индивид в отношении к своему поступку может оставаться таким же невинным, каким был герой Мольера, который не знал, что всю жизнь говорит прозой. Поступок, понятый философски, первичен. Быть и поступать – это для человека одно и то же. Именно эту истину выразил М.М.Бахтин, когда он говорил, что у человека нет алиби в бытии, и сформулировал свой знаменитый тезис, что поступок более, чем рационален, он ответственен. Ответствен не в расхожем (юридическом, педагогическом, конфессиональном, гражданском, психологическом и т.п.) смысле, согласно которому держит ответ перед кем-то, подлежит чьему-то (хотя бы и своему собственному) суду. Человек есть такое живое существо, все формы активности которого во всех своих проявлениях имеют именно характер сознательных (читай: ответственных!) поступков. Принятое и во многих отношениях исключительно важное расчленение человеческих действий на теорию и практику, слово и дело, имеют вторичный характер, а изначально слово, теория, как и любые другие формы активности за исключением первичных, сугубо инстинктивных форм живой жизни суть поступки.

И при этом надо заметить, что не существует какого-то особого класса моральных поступков, о которых можно было бы сказать, что именно они суть сугубо моральные поступки. Скорее, мораль – это есть некое измерение всех человеческих поступков. Все, что делает человек, его слова, чувства, взгляды, действия, сама его жизнь суть его поступки, по тому единственному основанию, что они принадлежат именно ему, данному индивиду, являются его выражением и продолжением, принадлежат ему в том смысле, что он ответствен за них. И в этом смысле те действия, которые по традиции в первую очередь сопрягаются с моралью и считаются собственно моральными, например, как прямые акты милосердия, являются их вторичными признаками, частными признаками по отношению к их всеобщей характеристике как ответственных поступков.

Моральность – это есть реальная характеристика любых сознательных поступков, указывающая на то, кто является их автором. Говоря точнее, обозначающая, что они суть волевые акты того индивида, который их совершил и который тем самым за них ответственен. Любое человеческое действие, о чем бы ни шла речь, будь это даже косо брошенный взгляд, вскользь пророненное слово, едва заметный жест, даже просто молчание и т.п., имеет свои предшествующие ему

причинные основания, сами по себе вполне достаточные для того, чтобы оно совершилось. Но оно для того, чтобы реально совершиться и стать волевым актом данного живого индивида, помимо опытной эмпирически удостоверяемой причинности должно обрести еще вне-опытную (априорную) причинность из свободы, благодаря которой оно становится волевым актом данного живого индивида и относительно которого последний не может дать рационального проверяемого ответа, почему он это сделал, как и отрицать, что это сделал именно он. И когда в подобного рода безвыходных (агностических, амбивалентных, антиномичных) ситуациях люди говорят, что их черт попутал, то это недалеко от истины и лишь является констатацией их необъяснимости.

4. В человеческих формах активности всегда нужно отличать два измерения: а) ближайшие цели, которые преследует индивид в том или ином поступке и вполне поддаются рациональной калькуляции; б) общее направление деятельности, которое трудно ясно сформулировать и объяснить. Что касается первых, то они всегда ситуативны, конкретны, единичны, исчислимы, включены в определенную неповторимую совокупность обстоятельств, которые порождаются ими и сами порождают их. Они вполне могут быть исчерпывающе исследованы. В строгом смысле эти цели не создаются нами, они проходят через нас, мы становимся звеном, соединяющим (поддерживающим, деформирующим, препятствующим, прерывающим) причинные цепи и участвующим в формировании самих обстоятельств. В отличие от непосредственных целей поступков их общее направление (то, что философы называли смыслом жизни или высшим благом) уже прямо (в конечном счете, целиком) зависит от данного конкретного единичного индивида, а именно от того, как он обозначает и определяет себя, свое место в данной проходящей через него причинной цепи, какую он занимает позицию в рамках тех конкретных обстоятельств, тех конкретных целей, с которыми он работает и которые создают непосредственный рисунок его жизни.

Мораль связана с общим направлением (смыслом) деятельности человека, с тем, как он в качестве разумного живого деятельного существа фиксирует своё место в конкретных обстоятельствах и среди конкретных людей, вместе с которыми и среди которых ему приходится жить. Именно этим, потребностью рационально понять общее направление (смысл, назначение, высшую цель, цель всех целей) человеческой жизни занимается этика. На это направлены понятия добра, долга, совести, достоинства, счастья, удовольствия, справедливости, чести и др., которыми оперирует этика – этика в том виде, как она представлена в трудах философов, и в том, как она да-

на в повседневном живом опыте. Все эти моральные понятия имеют ту, только им свойственную особенность, что они рассматриваются как ценные, но не имеющие цену, т.е., самоценные, как то, что ни на что другое не обменивается, что каждое из них равно самому себе. Они уже представляют собой не очередную ступень в лестнице человеческих целей, а ее конец, завершение, финиш. Это – высшая цель, последняя, предельная цель, сверхцель, к которой можно двигаться, но никогда нельзя достигнуть. Она дана, реально существует и вполне поддается рациональному осмыслению только как направление деятельности.

В этом отношении показателен опыт мыслителей Аристотеля и Канта – тех философов, которые специально и наиболее глубоко исследовали метафизический смысл этики. Аристотель определял высшее благо человека как последнюю цель, выходящей из привычной человеческой целесредственной логики деятельности, являющейся целью, которая сама не может трансформироваться в средство, замыкает ее и, будучи финальной, заключает свою ценность в себе. Такова природа дианоэтических добродетелей, свидетельствующих о приобщенности к последней (завершенной, высшей) цели и доступной человеку не потому, что он человек, а потому, что в нем есть нечто божественное. Кант сформулировал нравственный закон как предел чистого разума, который дан человеку в форме категорического разума, имеющего абсолютный, безусловный характер и существующего только в качестве долга. И он отмечал, что вероятнее всего никогда в мире не существовало поступков, которые люди совершали бы только ради одного долга.

Это разведение конкретных целей или эмпирических оснований наших поступков, их моральной заданности – имеет исключительно важное значение для понимания морали, в особенности для понимания ее всеобщего характера. Не только выдающиеся философы, но и великие, получившие широкое признание моралисты возвышенную силу морали видели в ее противопоставленности прагматике поведения. Альбер Швейцер считал, что мораль противостоит необходимости и чистая совесть является изобретением дьявола. Лев Толстой рассматривал непротивление злу насилием не как единовременную, хотя и отдаленную, цель, а как постоянно решаемую недостижимую задачу.

Словом, мораль мыслится как общее направление, идеальная перспектива жизнедеятельности человека, развертывающаяся наряду и поверх его повседневных задач. Поэтому она сама и не может быть зафиксирована в виде особой, строго прочерченной линии конкретных действий и целей. И человек не может дать эмпирически

фиксируемый, проверяемый ответ на основной моральный вопрос «Что я должен делать?», в такой же мере, в какой он, будучи разумным существом, не может не задаваться им. Но не задаваться им, не выстраивать идеальную перспективу своего деятельного существования он не может в силу той необходимости, что без этого не может состояться само его существование в форме целесообразной деятельности.

5. Категории этики, в своей совокупности отвечающие на вопрос «Что я должен делать?», поставленный перед философами обычным индивидом с улицы, один в один совпадают с теми понятиями, которыми пользуется тот же индивид в своей человеческой повседневности. Они вырабатываются в живом опыте общения и деятельности. В мастерской философа они только шлифуются, приобретают аналитическую чистоту и строгость, и уже в таком обработанном виде возвращаются в общественное сознание, поднимая тем самым последнее на новый уровень – уровень самосознания. Проблемная ситуация, создавшая некогда в Древней Греции философию как особый род интеллектуального поиска и философов как особую профессию, состояла не в том, чтобы узнать, что такое добродетель, справедливость или мужество. Недоумение простых афинян – отцов, столкнувшихся с непослушными детьми, граждан, оказавшихся жертвами несправедливых судов, людей, недовольных проигранными их городом битвами, состояло не в этом. Их тем более не интересовало, стоят ли эти ценности того, чтобы за них так убиваться. В этом они не сомневались ни на одну секунду. Единственный вопрос, с которым они шли к философам, был следующий: как стать добродетельным, справедливым, мужественным и почему люди не следуют тому, что для них является и что они признают самым ценным и лучшим для себя. Уже философы трансформировали обращенную к ним этическую загадку в эпистемологический поиск: мол, давайте разбираться, что такое добродетель, справедливость, мужество. Ключевой фигурой, настоящим искушителем жаждущих добродетели оказался Сократ.

В ответ на этический вызов общества философы сформулировали различные программы, каждая из которых претендовала на истину. Притом на философскую – безусловную! – истину. Но уже сам факт различия предложенных ответов ставил под сомнение их истинность. Ведь желание людей идти по этическому пути никак не предполагало, что их, этих путей, существует много. Один из важных, быть может, самый важный упрек античным людям, прозвучавший задним числом из Средневековья, состоял в том, что первые посещали одни храмы, но придерживались разных философий. «Грехо-

падение» философов было еще глубже: они предложили не только различные, но еще и амбивалентные ответы на основной этический вопрос. Аристипп предложил гедонистическую программу. Антисфен, напротив, считал, что лучше сойти с ума, чем наслаждаться. Эпикур предложил программу незаметной счастливой жизни в кругу друзей-единомышленников. Стоики провозгласили идеал внутренней стойкости, вопреки всем перипетиям судьбы. Всем противостоящим друг другу позитивным этическим программам в свою очередь противостояла скептическая школа, которая силу разума видела в его способности поставить под сомнение любую истину. И над всем этим маячила фигура Сократа, который столь же непоколебимо верил в существование высокой моральной истины, сколь оставался беспощаден в разоблачении всех ее предъявляемых псевдоформ. Его итоговая формула знающего незнания, допускающая самые разные интерпретации, в контексте последующего развития философской этики может быть истолкована как возвращение вопроса тому, кто его задает. Человек, оказавшийся в ситуации двусмысленных притязаний и потерявший направление жизненного пути, напрасно будет искать помощи у философа, который является его последней надеждой. У него нет иного выхода, как самому стать практикующим философом, ясно осознав, что никто иной, кроме него самого, не может прожить его жизнь добродетельно и достойно. Именно это имеется в виду, когда говорится, что не существует особых собственно моральных поступков, которые выделялись бы среди всех прочих, подобно тому, например, как слитки золота выделяются среди других металлов.

Мораль автономна. Это значит, что в своей всеобщности, общеобязательности она сугубо персонализирована. Следует более пристально обратить внимание на одну очевидную особенность функционирования морали как формы общественного сознания. Она, будучи по своему значению вполне соразмерна с другими формами общественного сознания, такими, как право, наука, искусство, политическая идеология, религия, а быть может даже превышая их, тем не менее не имеет своего особого домена в исторически сложившейся системе общественного разделения труда. В отличие от других названных форм общественного сознания и соответствующих областей культуры, мораль не имеет своих институтов и подготовленных специалистов, ответственных за поддержание ее уровня, требуемого обществом. В обществе существуют самые разнообразные дипломированные специалисты (знатоки) в разных конкретных областях юриспруденции, медицины, музыки и т.д. Каждый из них занимается своим важным делом, и тот факт, что существуют такие специалисты

и общество заботится об их существовании, свидетельствует о нужности их занятий. Мы знаем, куда обратиться, когда болит зуб или хотим научиться играть в теннис и т.п. Но куда и к кому обратиться с моральными проблемами?

Где тот учитель, мастер, знаток, кто может, кому доверено, вменено в обязанность говорить публично от имени морали? И кто научит нас найти правильное решение в трудных ситуациях, подобных тем, когда, например, сын перестал слушать родителей и увлекся вещами, которые те считают дурными? Кто научит, имеет право сказать, где в том или ином случае проходит линия, отделяющая добро от зла? Речь не о том, что в такого рода случаях не с кем посоветоваться, обычно такие люди находятся быстро и легко, иногда, к сожалению, тем быстрее и легче, чем менее они для этого подходят. Дело в том, что современные общества не выделили внутри себя особую профессиональную группу, сопоставимую с другими профессиональными группами, как например, инженеры, врачи, тренеры, учителя по разным школьным предметам и т.п., которая была бы ответственна за поддержание морали на соответствующем и необходимом обществу уровне. И когда мы говорим, что нет таких профессиональных групп, нет таких знатоков, мастеров, «профессионалов» в области морали, то это вовсе не означает, что общество не придает этому значение. Напротив: это на самом деле означает, что обязанность быть моральным, говорить от имени морали, нести ответственность за ее состояние в обществе лежит на каждом человеке в отдельности и на каждом общественном институте без какого-либо исключения. Человек в лице каждого индивида не может не быть общественным существом и не иметь отношения с другими людьми, подобно тому, как он не может не быть сознательным существом и не действовать только в той перспективе и в том пространстве, которые задаются его сознанием, ибо в противном случае он вообще уже не может ни действовать, ни существовать. И точно так же, желает человек или нет, он находится в таком пространстве, в котором он, наряду с конкретными решениями, которые он применяет исходя из реальной своей каждый раз неповторимой ситуации, находится также ещё и в каком-то большом неопределенном пространстве, которое определяет нравственный вектор его жизнедеятельности. То, что относится к действиям отдельных индивидов, еще более определенно и жестко касается больших и малых социальных институтов и воплощающих их социальных субъектов. Именно этим, этой замкнутостью морали как невыразимой абсолютной вершины ценностного сознания на произвол (произвольные суждения и действия) отдельной (единичной и единственной) персоны, будь это жи-

вой индивид или социальный субъект, определяется ее неповторимое место в человеческой жизни. В душевном строе человеческой личности морали принадлежит особое место, возвышающее её над всеми другими его частями, как если бы именно ей было дано вершить окончательный суд. Ни политическая необходимость, ни юридическая законность, ни религиозная святость, ни логическая неотвратимость, ничто не может быть, не является пределом и ограничением морального суда личности, который потому и является моральным, что является высшим (последним, безусловным, абсолютным), не имеющим пределов и ограничений. Право и обязанность вершить высший суд имманентны индивиду, неотчуждаемы от него как разумного существа точно также, как право и обязанность жить имманентны ему, неотчуждаемы от него как существа живого. Люди не могут сказать, ответственно судить, что такое мораль, но они знают, что она существует и никак не могут отделаться от нее (продать, обменять на что-то, забыть, одолжить кому-нибудь, спрятать и т.д.), в особенности тогда, когда она, что, по-видимому, бывает чаще всего, дает о себе знать угрызаниями совести, назойливым сном или каким-нибудь иным способом, разрушающим внутренний строй души.

6. Такова основная аргументация для включения этики как учения о морали в общеобразовательный минимум современного человека. Когда же, в каком возрасте и при каких жизненных перипетиях уместно его (этого учения) усвоение? В частности, являются ли университетские годы и скамья уместным для этого временем и местом?

Как показал Жан Пиаже в исследовании «Моральное суждение у ребенка», собственное отношение человека к своим моральным поступкам начинается на довольно поздней стадии развития сознания – на дошкольном и школьном уровнях. В работах другого – американского – ученого Лоуренса Колберга и его школы было показано, что нравственное развитие человека не является однократным качественным переходом, оно происходит на протяжении всей жизни и через прогрессирующий ряд скачкообразных стадий. Если в генезисе личности нравственные способности являются одними из поздних, то существует мнение, что в случаях обратного движения, а именно утраты памяти и других умственных навыков, они оказываются одними из первых. В любом случае необходимо различать бытие морали как факт сознания и ее существование на уровне самосознания.

То, над чем психологи задумались в XX веке, привлекло внимание философа в XVIII веке. Д. Юм обратил внимание, что авторы, рассуждающие о моральных суждениях, используя связку «есть», незаметно переходят к связке «должно», не объясняя, почему они это делают. Еще раньше Аристотель, для которого повелительное

наклонение является естественной формой моральных суждений, задумывался над тем, в каком возрасте человеку могут быть полезны лекции по этике. Он считал таковым зрелый возраст, измеряя зрелость не количеством лет, а способностью управлять своими страстями. Живший на столетие раньше него софист Продик оставил потомкам сочинение «Геракл на распутье», в котором рассказано, как Геракл оказался перед выбором между двумя женщинами, одна из которых олицетворяла добродетель, а другая – порок. Это произошло с ним в возрасте, когда отрок становится юношей.

Следуя всем этим оставленным нам великими предками указаниям, наиболее уместным временем приобщения к этическим знаниям, является ранняя юность как начало самостоятельной ответственной жизни. Это совпадает с первыми шагами самостоятельной жизни, в частности, начинающейся для большого количества молодых людей с университетской скамьи.

Существует еще одно обстоятельство, позволяющее считать это время и место началом самостоятельной жизни индивида, такой его личностной зрелости, когда он становится хозяином своих желаний, способным подчинить их голосу разума. Оно является также временем профессионального выбора, который в наши дни является также и определенным этическим выбором.

Во второй половине XX века произошёл поворот в развитии этики, она расщепилась на множество различных прикладных областей, подобно тому, как полноводная река, например, Волга, перед тем как впасть в море, словно торопясь сделать это, распадается на множество рукавов. Это – десятки самостоятельных областей знаний и практических сфер, которые стали также самостоятельными учебными дисциплинами и связаны с философией морали почти также отдаленно, как физика времен Ньютона была связана с натуральной философией. Если в общефилософском понимании этики мы остаёмся на уровне общей направленности нашей жизнедеятельности, основных законов и принципов, которыми руководствуются люди, то в случае прикладных областей мы уже роль морали рассматриваем в прямой непосредственной связи с соответствующей предметной (практической) областью, с теми конкретными целями, навыками, типичными действиями и характером возникающих в ней конфликтов, словом, со всей присущей ей этической окрашенностью. С прикладной этикой мы оказываемся ближе к земле, к миру живых взывающих к нам поступков.

Среди ветвей прикладной этики одной из развитых и общественно востребованных является этика науки. Мир науки во всех его институциональных, персональных аспектах, фактических возможно-

стях, его достижениях и опасностях, во всем постоянно расширяющемся физическом объеме и социальной значимости органично связан с моральными представлениями включенных в него индивидов и их коллективов. Эта связь обнаруживается как в самой базовой конструкции, на которой держится этот мир в целом, ибо само понятие истины в ее противопоставленности заблуждению имеет ценностную (этическую!) природу, так и в самых прозаических вещах, составляющих его периферию, как, например, стипендия аспиранта, финансирование той или иной лаборатории и др. Там и тогда, где и когда вступление во взрослый мир совпадает с началом высшего образования и с вхождением в мир науки, всеобщие нравственные ориентиры приобретают конкретный характер понятий и схем поведения в особом мире науки.

7. Этика по своему антропологическому статусу вполне может претендовать на место в общефедеральном блоке высшего образования, аналогичный тому, какое в нем занимают физическая культура и иностранные языки. Как существование последних оправдано потребностью обеспечить адекватную физическую и интеллектуальную подготовку для людей с высшим образованием, так и этика нужна для их соответствующего личностного развития. Они, можно сказать, имеют пропедевтический характер, но не по отношению к профилю университета (хотя какие-то отдаленные связи здесь возможны), а по отношению к университетскому (высшему) образованию в целом. Отсюда – специфика их преподавания, которая состоит в том, что оно в данном случае имеет акцентированный практический характер, ориентировано не на знание и не на понимание, а на навыки, умение, на оттачивание самого инструментария, каковым являются начинающие студенты.

Применительно к этике своеобразие ее преподавания связано с тем, что она, будучи частью (аспектом) философии, в то же время складывается в качестве самостоятельной теоретической дисциплины со своим особым предметом. В рамках изначального (античного) и не подлежащего сомнению (естественного, очевидного, повседневным опытом подтверждаемого) членения философии на логику, физику и этику, последняя является практической философией или философией свободы, а именно, имеет дело с сознательными (волевыми) действиями живого индивида, поскольку (в той мере, в какой) они зависят от него самого. Мораль есть причинность из свободы, отсюда и основной философский вопрос в его этической выраженности: «Что я должен делать?»

Древнегреческие софисты, впервые поставившие вопрос о различии между физикой и этикой человеческих действий, оставили нам

замечательные примеры («кейсы», как говорят сегодня), иллюстрирующие эти различия. Вот самый характерный. Во время состязаний пятиборец нечаянно убил дротиком человека по имени Эпитим из Форсала. Перикл и Протагор провели целый день, обсуждая, кто виноват в случившемся: Дротик? Тот, кто метнул его? Тот, кто организовал состязания? Здесь предметом является вопрос о причине действия, рассмотренного в сугубо практическом аспекте, а именно, с точки зрения его субъекта, того, кто виноват и ответственен за данное действие, которое не должно было случиться. Философская постановка и обсуждение вопроса является прямым выражением и продолжением того, что интересует и с чем в своей жизни сталкиваются все думающие люди.

Говоря о философии, в особенности об этике или философии морали, надо отличать философию как повседневную практику мыслящих людей, запечатленную в их живом общественном опыте, и философию как системы взглядов (учений), предъявляемых отдельными философами в качестве истинных. Важно видеть, как их совпадающую соотнесенность друг с другом, известный параллелизм между ними, так и качественные различия. В отечественном опыте университетского образования эти отличия представлены как отличия между преподаванием философии как общеобразовательным предметом и подготовкой философов как специалистов в рамках особых направлений подготовки (факультетов). В первом случае преподавание философии имеет практически ориентированный характер, нацелено на общее укрепление ума, его шлифовку и расширение кругозора. И здесь этическая направленность умственной деятельности имеет первостепенное значение. Что касается подготовки специалистов в области философии, то здесь уже упор делается на овладение имеющимися в этой области знаниями.

Преподавание философии и в ее рамках этики как общеобразовательных предметов имеет ряд методических особенностей, наиболее важными из которых, на мой взгляд и по моему опыту, являются следующие два. Отношения преподавателя и студентов теряют иерархическую конфигурацию между знающим и не-знающими, а приобретают характер совместного поиска выхода из трудностей, возникших на их общем пути. Здесь преподаватель выступает не столько в роли начальника, который принимает посетителей, а скорее в роли хозяина, у которого собираются гости. Занятия проходят не в форме лекций и семинаров, а в форме бесед и строятся по преимуществу в форме вопросов, которые возникают у студентов или ставятся перед ними преподавателем, но всегда обсуждаются вместе.

Недосыгаемым образцом в этом отношении остаются сократические диалоги.

Список литературы

1. *Анцыферова Л.И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 5–17.
2. *Аристотель.* Никомахова этика. // Аристотель. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1964. Т.4.
3. *Бахтин М.М.* К философии поступка. // Бахтин М.М. Собр. Соч. в 7 т. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т.1.
4. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
5. *Пиаже Ж.* Моральное суждение у ребенка. М.: Академический проект, 2019 г.
6. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе. // Юм Д. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т.1.